

отсылают визуальные знаки к неким означаемым. Конечно, такая практика видения не имеет отношения к прямой смыслоносущей политической коммуникации, транслирующей образ России как референт единства народа и власти. Скорее, «человек фотографирующий» просто идентифицирует видные памятники в Александровском саду как привлекательные фотообъекты. Тем самым идея «России» в качестве единого государства-империи не считается коллективным реципиентом. Представляется, что более живым символом единства осталась до сих пор фигура Родины, которую репрезентирует в том же Александровском саду памятник Неизвестному солдату (о чём писала ещё Сандомирская в отношении эпохи Модерна) [Сандомирская 2001, 18, 24], тем более что сохранён и сопутствующий ритуальный комплекс. Но Родина и в постсовременности – всё ещё символическая живая фигура, а её референтами выступают сегодня некоторые Города-герои (их репрезентирует аллея Городов-героев в Александровском саду), тогда как символическая модель средневекового государства – давно мёртвая «пустая» схема. Тем не менее, имперский виртуальный средневековый контекст легко перенесён русской властью в XXI век. Деконструкция же контекста как такового стирает грань между контекстом и текстом, но данный текст очень трудно прочитать.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Вуд 2003 – *Вуд С.* Городской образ и визуальный сюжет: Марсово поле во времена Августа / Перевод с англ. С. Э. Таривердиевой. [Электронный ресурс] URL: <http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1309046977> (дата обращения 3.12.2013).
- Деррида 2000 – *Деррида Ж.* Письмо и различие. Санкт-Петербург, 2000. [Электронный ресурс] URL: www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/derrpism/ (дата обращения 3.04.2014).
- Лотман 2001 – *Лотман Ю. М.* Культура и взрыв // Лотман Ю. М. Семиосфера. Санкт-Петербург, 2001. С 11–148.
- Медведев 1995 – *Медведев С. А.* СССР: деконструкция текста (К 77-летию советского дискурса) // Иное. Хрестоматия нового российского самосознания. Москва, 1995. [Электронный ресурс] URL: <http://old.russ.ru/antolog/inoe/medved.htm> (дата обращения 11.11.2013).
- Николаева 2001 – *Николаева Е. В.* Переходная культура и миф о начальном времени // Между обществом и властью: массовые жанры от 20-х к 80-м годам XX века. Москва, 2001. С. 301–326.
- Прогулки 2010 – *Прогулки по Москве: Памятник Юрию Долгорукому.* [Электронный ресурс] URL: <http://moscowwalks.ru/2010/03/17/pamyatnik-yuriyu-dolgorukomu/> (дата обращения 3.04.2014).
- Ромашко 2002 – *Ромашко С.* Монумент – сувенир – улика: временная ось мегаполиса // Логос. 2002. № 3–4 (34). С. 97–108.
- Рыклин 2002 – *Рыклин М.* Пространства ликования. Тоталитаризм и различие. Москва, 2002.
- Сандомирская 2001 – *Сандомирская И.* Книга о Родине. Опыт анализа дискурсивных практик. Wien, 2001.

Материал поступил в редакцию 29.08.2014

ГОРОДСКОЕ ПРОСТРАНСТВО КАК СИСТЕМА ВИЗУАЛЬНЫХ ДИСКУРСИВНЫХ МАРКЕРОВ

В. В. Фёдоров, А. В. Левиков

Тверской государственной технической университет

Городская среда организована на основе функциональных взаимосвязей и отношений, содержательно объединяющих здания и сооружения в единое целое. В ней присутствуют визуальные дискурсивные маркеры – полифункциональные элементы, лишённые денотата, но влияющие на процесс восприятия и понимания среды. Малые архитектурные формы анализируются как пример дискурсивных маркеров в городской среде.

Ключевые слова: городская среда, малые формы, визуальные дискурсивные маркеры.

URBAN SPACE AS THE SYSTEM OF VISUAL DISCOURSE MARKERS

Viktor Fedorov, Alexandr Levikov

Tver State Technical University, Russia

The urban environment is organized on the basis of the functional relationships, meaningful linking buildings and structures into a single whole. In it visual discourse markers are present – multifunctional elements, which are deprived of denotation, but influence to the process of perception and understanding of the environment. Small architectural forms are considered as an example of discourse markers in the urban environment.

Keywords: urban environment, small forms, visual discourse markers.

Представление о городском пространстве как совокупности организованных на основе функциональных взаимосвязей, композиционно завершённых структур (зданий и сооружений, ансамблей, планировочных элементов, поселений в целом) позволяет говорить, что оно 1) состоит из архитектурных и модифицированных природных объектов, 2) обладает связностью и цельностью, 3) участвует «во множестве разных деятельности и существует как текст, благодаря тому, что имеет определённые функции в этих деятельности» [Тарасов, Соснова 1985]. Компрессия, редукция, расширение, соположение, наложение, усиление, опущение информации и другие приёмы организации архитектурной среды создают очень стабильный в синхронно-диахронном отношении архитектурный текст [Некрасов 1994, 127].

Особенности проектирования и опредмечивания замысла, нестыковка предпочтений архитекторов и социума, меняющийся социокультурный контекст обеспечивают непрерывный процесс разобщения и нового упорядоче-

ния структурных составляющих жизненной среды. Определение городской (архитектурной) среды как объекта исследования предполагает, что его состав не может быть задан априори, но формируется в процессе изучения (обычно волевым выбором в соответствии с избранным аспектом). Такая среда может рассматриваться как совокупность компонентов, основанием для выделения которых являются определённые совокупности качеств: время создания, стилевая принадлежность, масштаб, назначение, функциональное или техническое состояния и пр. Поэтому в общем случае необходимо оперировать не отдельными группами её качеств, а их совокупностью, представляющей как некое пространственно-временное образование.

Используя различные коды прочтения, выбирая ближние и дальние пространственно-временные планы, субъект восприятия извлекает из всего этого множество смыслов и ценностей. Например, с удалённой точки зрения фиксируется лишь абрис и композиционное решение застройки, а включённое восприятие, напротив, – акцентирует социальное наполнение, житейскую суету. Соответственно, обращаясь к феномену архитектурной среды, мы сталкиваемся с задачей разведения собственно архитектурного текста, контекста, дискурса, визуальных дискурсивных маркеров и пр.

Но это открытая система, результат прочтения которой постоянно «приспосабливается» к новым состояниям культуры, соответствует новым обстоятельствам. Какие-то элементы забываются, уходят (зачем возводили менгиры, дольмены, кромлехи, пирамиды?), какие-то добавляются и подвергаются реинтерпретации. Тем самым культурно-имманентным, порождающим избыточность принципам функционирования архитектуры противопоставляется гетерогенность, возникают открытость и многозначность городской среды.

Пространство города обладает общей логикой всех знаковых систем, а значит, может быть переведено на другие знаковые системы (пусть и с определёнными ограничениями, поскольку оно существует на пересечении двух сознаний – создателя и интерпретатора). Конечно, всегда существует некое константное «смысловое ядро» (производное от архетипов и традиционных символов), но само возникновение архитектурного текста и его индивидуальный смысл в значительной мере находятся в зависимости от субъекта восприятия (его психофизиологии, жизненного опыта, сиюминутного настроения и пр.).

Теория архитектуры устанавливает ограниченное количество типов объектов и вариантов их взаиморасположения в структуре городского пространства, признаками связности которого выступают: а) визуальное единство (следствие стилевого родства, схожести цветоцветового решения фасадов, сомасштабности объёмных решений и пр.); б) взаимосвязь функциональных решений. Черты связности иногда задаются интенцией зодчих, а чаще естественным образом формируются в историческом плане, воспринимаются и сравниваются с некими эталонами, прототипами, архетипическими элементами [Бехтель 2005, 234].

Процедура «расщепления» текста (образа) на составляющие элементы происходит в границах некоего архитектурно-ландшафтного образования (не обязательно минимально возможного фрагмента внешнего мира, поскольку подобные текст могут быть «вложены» один в другой). Поскольку визуальный образ городского пространства задаёт порядок восприятия

и определяет активный поиск объекта в окружающем пространстве, можно утверждать, что характер эталона опознания и задаёт единицу восприятия. Социальное бытие «размещается» в неограниченном пространстве и времени, оно не редуцируемо к рамкам телесности/предметности, но с них начинается. А поскольку люди живут в пространстве поселения, то оно и является тем самым «неизбежным контейнером, в котором помещается социальная жизнь» [Штомпка 1996, 312].

В городском пространстве обязательно присутствуют визуальные дискурсивные маркеры – полифункциональные единицы, характеризующиеся отсутствием денотата в общепринятом смысле, но во многом определяющие процесс восприятия и взаимодействия субъекта и среды. Их прагматический потенциал связан с экспликацией типологических признаков и выполнением определённых регулятивных функций. По-видимому, типологические группы визуальных маркеров в архитектуре не имеют чётких границ. Функционально некоторые из них смыкаются с традиционными зданиями и даже инженерными сооружениями, что не исключает возможности их использования в качестве идентификационных признаков городской среды.

В качестве основных задач исследования визуальных дискурсивных маркеров в рассматриваемом контексте можно назвать: 1) собственно классификацию маркеров; 2) выявление маркеров, используемых в специфичном типе застройки; 3) уточнение особенностей выбора и распределения маркеров по типам среды предметно-пространственного окружения.

Как правило, визуальные дискурсивные маркеры городской среды а) не являются её атрибутивными элементами, б) возникают ситуативно и в) сосуществуют с основными функциональными элементами. Речь идёт об открытом списке подобных элементов городской среды, который будет расширяться по мере изучения проблемы. Но первое, что обращает на себя внимание в этой роли, – малые архитектурные формы [Фёдоров и др. 2013], присутствие которых возможно, но не обязательно в самых разных типах застройки. Это небольшие сооружения, в идеале функциональные и эстетичные, гармонично вписывающиеся в архитектурную среду, способствующие восприятию и пониманию её стилистики. Под это определение попадает огромное количество объектов, вносящих важный вклад в понимание городской среды (таблица 1).

Таблица 1. Типология визуальных маркеров – малых архитектурных форм

Малые архитектурные формы		
декоративные (акцентные), служащие для украшения городской среды	функциональные (игровые, ограждающие, спортивные)	универсального (массового) использования
Примеры использования визуальных дискурсивных маркеров в городской среде		
арки, вазоны цветочные, водопады, горки альпийские, каскады, мостики пешеходные, светильники газонные, скульптуры, статуи, фигурно подстриженные кусты и деревья, фонтаны, шпалеры	горки детские, качели, лестницы, оборудование пляжное, ограды, очаги, пандусы, парапеты, песочницы, печи-барбекю, посадки бордюрные, стенки подпорные, стенки шведские, турники	бассейны декоративные, бельведеры, беседки, киоски, перголы, ротонды, скамейки садовые, средства визуальной коммуникации (графические изображения и надписи), трельяжи, фонари уличные

Разделение малых форм на декоративные, функциональные и универсальные, конечно же, весьма условно, поскольку многие из них одновременно выполняют различные функции, и, скорее всего, следует говорить о трёх нечётких множествах дискурсивных маркеров.

Восприятие городской среды – процесс не до конца понятный и допускающий различные толкования. Во-первых, взгляд перемещается по объектам среды предметно-пространственного окружения саккадами – быстрыми движениями с фиксацией в некоторых интересных конкретному субъекту точках. Причем, это совсем не обязательно доминирующие, масштабные здания и сооружения, в такой роли могут выступать и малые архитектурные формы, и какие-то лично значимые элементы. Во-вторых, многие из них воспринимаются только периферийным зрением. Поэтому важны и общая форма, и распознавание отдельных элементов в структуре воспринимаемого. Все эти элементы «размечают» архитектурный текст на отдельные «абзацы» и упрощают его «чтение» (восприятие и понимание). Любые «подсказки» – от визуальных дискурсивных маркеров до архитектурных доминант – упрощают процесс восприятия в результате предвосхищения, «угадывания» и амплификации значений.

Визуальные дискурсивные маркеры, во-первых, «смягчают звучание» функциональных признаков того или иного типа архитектурной среды (например, малые архитектурные формы маскируют ярко выраженные признаки промышленной, транспортно-складской и другой застройки). Во-вторых, они способствуют обеспечению сомасштабности базовых элементов среды человеку, поскольку, как правило, имеют некий промежуточный размер между индивидом и крупными сооружениями. В зависимости от выполняемой функции визуальные дискурсивные маркеры в городской среде могут быть отнесены к той или иной группе.

1) Апелляторы (инициирующие обращение к номинативной или оценочной функции в процессе восприятия).

2) Средства привлечения внимания (а значит – расширения содержательного плана городской среды).

3) Маркеры начала, прерывания или завершения структурной единицы среды предметно-пространственного окружения (например, архитектурно-ландшафтного бассейна, композиционно целостного фрагмента застройки и пр.).

4) Выражения десемантизированной оценки с точки зрения приемлемости/привлекательности, а также наличия ценностно-смыслового содержания архитектурной среды для индивида и социального субъекта.

В заключение подчеркнём, что акцентирование роли визуальных дискурсивных маркеров в городской среде важно не только как возможность надления её – среды – дополнительными нюансами, но, прежде всего, как способ выявления и уточнения семантических, символических, коммуникативных и прагматических характеристик. Городская среда является фактором социальной детерминации, образует важную составляющую социальных представлений [Карасик и др. 2005, 212], поскольку обыденное сознание формируется в основном иррациональными аффектами, отчасти идеологическими взглядами и лишь в самой незначительной степени – научными знаниями.

В этом смысле визуальные дискурсивные маркеры расширяют содержание городской среды, которая становится «шире реальности», приобретает множественные репрезентации, не всегда очевидные, но влияющие на индивида и социального субъекта.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Бехтель 2005 – Бехтель Э. Е., Бехтель А. Э. Контекстуальное опознание. Санкт-Петербург, 2005.
- Карасик и др. 2005 – Карасик В. И., Прохвачёва О. Г., Зубкова Я. В., Грабарова Э. В. Иная ментальность. Москва, 2005.
- Некрасов 1994 – Некрасов А. И. Теория архитектуры. Москва, 1994.
- Тарасов, Соснова 1985 – Тарасов Е. Ф., Соснова М. Л. О формах существования текста // Речевое общение: цели, мотивы, средства. Москва, 1985. С. 30–44.
- Фёдоров и др. 2013 – Фёдоров В. В., Давыдов В. А., Скибина Е. В. Малые формы в структуре архитектурного текста // Архитектура и строительство России. 2013. № 6. С. 24–29.
- Штомпка 1996 – Штомпка П. Социология социальных изменений. Москва, 1996.

Материал поступил в редакцию 16.08.2014